

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТОМСКИЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РАБОТНИКОВ ФСИН РОССИИ**

**Уголовно-исполнительная система: педагогика,
психология и право.**

**Материалы Всероссийской научно-практической
конференции
15-16 апреля 2015 г.**

Томск-2015

Таким образом, при расследовании убийств в местах лишения свободы необходимо в первую очередь изучить предполагаемый маршрут следования потерпевшего до исчезновения и установить имели ли место остроконфликтные отношения исчезнувшего с подозреваемым. При обыске у подозреваемого, проживавшего совместно с исчезнувшим, пристальное внимание надлежит уделить обнаружению следов крови и других различных объектов совершения преступления.

Расследование убийств в местах лишения свободы, а также других особо опасных преступлений, направленных против жизни и здоровья граждан, в ряде случаев представляет определенные сложности. Большую помощь в расследовании преступлений данной категории оказывают судебные экспертизы по вещественным доказательствам и, в частности, экспертизы биологических объектов человека, которые среди других видов судебной экспертизы занимают одно из ведущих мест по значимости и распространенности в следственной и судебной практике.

ВОПРОСЫ ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

КНЯЗЬКОВ А.С.,

*доцент кафедры криминалистики Юридического института ФГБОУ ВПО
НИ ТГУ, кандидат юридических наук, доцент*

Вопрос о нравственных основах уголовного судопроизводства и криминалистической тактики в отечественной науке является одним из наиболее дискуссионных. Как верно отмечено, достаточно стройной системы принципов, на базе которых у работников правоохранительных органов формировалось бы правильное представление о роли и формах проявления морали в борьбе с преступностью, пока не разработано¹. Более того, запреты и предписания, как верно замечено, будучи тесно связанными с профессиональную деятельность, непосредственно не регламентируют её².

Трудность оценки поведения следователя с позиции нравственных требований проявляется, в конечном счете, при оценке конкретных действий, составляющих содержание его тактико-криминалистической деятельности. Указывая на возможность и условия формально-идеального совпадения права и справедливости (как этической категории), отдельные авторы замечают, что в реальном правоприменении, когда есть правовой спор и столкновение интересов между участниками возникших правоотношений, право в виде закона и принятого решения по результатам юридического

¹ Комиссаров В.И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. М., 2009. С. 127.

² Антонов И.А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика): дис. ...д-ра юрид. наук. СПб, 2005. С. 236-237.

процесса оценивается каждым участником, исходя из его интересов и доминирующего представления в обществе о существующих отношениях. Отсюда делается вывод о том, что право и законность есть всеобщие категории, в то время как справедливость всегда конкретна, индивидуальна, персонифицирована¹.

В контексте рассуждения о соотношении юридического и этического следует сказать о регулятивных возможностях права. На примере понятия «унижающее человеческое достоинство обращение» видны предельные возможности права формализовать поведение, которое затрагивает важную социальную ценность – достоинство. Часть вторая ст. 9 УПК РФ «Уважение чести и достоинства» называет лишь такие конкретные виды посягающего на достоинство участника уголовного судопроизводства поведения, которые могут быть формализованы – насилие и пытки; в отношении других видов запрещенного поведения такого предметного выражения нет, а есть лишь их общее название – другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение. Т.Н. Москалькова правильно указывает на группу нравственных правил, получивших закрепление в российских (а также международных) нормативных правовых актах, относя к ним правило, не допускающее действий, унижающих достоинство личности. «В ряде случаев», – отмечает она – «законодатель устанавливает специальные нормы, направленные на предупреждение действий, унижающих человеческое достоинство: в качестве примера называется правило производства личного обыска, указывающее на половую принадлежность, обыскиваемого, должностного лица и понятий². На наш взгляд, «специальность» таких норм определяется не только нравственным интересом общества и государства, но и тем, что это действие может быть объективировано в конкретных поведенческих актах. Оценивая данное положение и тезис о том, что в уголовно-процессуальном законе невозможно детализировать тактику производства следственных действий, процедуру применения мер процессуального принуждения, поведение должностного лица, производящего допрос, освидетельствование, обыск³, можно прийти к выводу, что законодатель оценку нравственности либо безнравственности тех или иных способов действия субъекта предварительного расследования, которые он не может формализовать в конкретном поведении, оставляет на усмотрение следователя, получающем свое выражение в применяемых тактических приемах, реализующих тактическое решение.

Рассматривая проблему обеспечения прав личности при расследовании преступлений, В.С. Шадрин считает необходимым установить в уголовно-

¹ Баранов А.М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Омск, 2006. С. 18.

² Москалькова Т.Н. Нравственные основы уголовного процесса (стадия предварительного расследования): дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 52.

³ Там же. С. 36.

процессуальном кодексе «...запрет подавлять свободу воли и волеизъявления обвиняемого (подозреваемого) путем жестокого обращения, изнурения, физического воздействия, введения в организм специальных препаратов или гипноза, а также запрет на угрозы применения недопустимых законом мер...»¹. Можно заметить, что В.С. Шадрин в основном называет действия, параметры которых поддаются выявлению и оценке²; неясное содержание у него получает, на наш взгляд, такое обстоятельство, как жестокое обращение: указание на него наряду с такими обстоятельствами, как изнурение, физическое воздействие, введение в организм специальных препаратов, заставляет думать, что эти действия не могут считаться жестоким обращением.

Говоря о соотношении правовых и нравственных начал уголовного судопроизводства в контексте сущности и содержания правоприменительной деятельности, представляется необходимым видеть два аспекта. Первый из них заключается в том, что нравственное есть внутреннее проявление сущности права как более позднего, по сравнению с моралью, регулятора общественных отношений, получившего закрепление в законодательном акте. Здесь противоправное поведение одновременно есть и безнравственное поведение. В этом смысле приводимые теми или иными авторами примеры безнравственных действий, например, пытки, являются *семантически допустимыми*³. Нельзя не сказать о том, что проявлению этой стороны нравственности в её взаимодействии с правом посвящено значительное число работ, в том числе монографического характера.

Другой аспект соотношения этики и права основывается на оценке нравственности как более раннего, по отношению к праву, регулятора поведения, выполняющего в условиях действия последнего роль *дополнительного фактора* упорядочения общественных отношений, в том числе как гарантия злоупотребления правом. Именно этот случай имеют в виду, когда отмечают, что право само по себе, без религиозного и нравственного обоснования входит в систему общепризнанных ценностей, но в силу кризисных общественных явлений, связанных с правовым

¹ Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: дис. ...д-ра юрид. наук. Волгоград, 1997. С. 14.

² Я.В. Комиссарова, исследуя вопросы нравственных начал уголовного судопроизводства, отмечает одно важное положение: законодатель должен стремиться не только очерчивать рамки этического поведения, но и, по возможности, конкретизировать действия, послужащие на указанные основы (Комиссарова Я.В. Процессуальные и нравственные проблемы производства экспертизы на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. С. 91–92.)

³ Так, например, И.А. Антонов в своей работе «Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика)»: дис. д-ра юрид. наук СПб, 2005. С. 229.) приводит пример безнравственного воздействия в отношении несовершеннолетнего свидетеля, отказывающегося давать изобличающие наркопротравщика показания, проявляющегося в избиении свидетеля, подвешивании его за руки, пристегивании наручниками и т.п.

нигилизмом, требует подкрепления с помощью авторитета религии и нравственности¹.

Эта сторона вопроса отражает подход, в соответствии с которым правоприменитель должен руководствоваться не только этическими положениями, которые получили отражение в законе (т.е. следовать закону), но и соблюдать общие нравственные требования. Изучение этого аспекта соотношения этики и права для целей правоприменительной деятельности необходимо в силу того, что возможности права предоставлять модель отдельных отношений ограничены, в силу характера этих отношений. Опасение оставить без социальной, прежде всего правоохранительной, защиты несомненно важные общественные отношения вызывает необходимость построения различного рода этических систем, выражением которых являются кодексы поведения должностных и иных лиц. При этом особая сложность формулирования норм этических кодексов состоит в необходимости строгого разделения юридических и этических начал профессиональной деятельности. Можно встретить небесспорное суждение о том, что обязывающая норма профессионального (этического) кодекса отсылает к юридическому закону; это порождает замкнутый круг: чтобы быть нравственным, необходимо соблюдать требования юридической нормы при её применении². Монографические работы, в которых исследуется проявление этой стороны нравственности в её взаимодействии с правом, в настоящий момент отсутствуют.

В рамках рассмотрения второго аспекта соотношения этики и права научно-исследовательский акцент надлежит делать на регулятивных возможностях моральных норм, позволяющих уточнять весьма непростые в оценке ситуации, возникающие в деятельности правоприменителя³. В силу того, что уголовно-процессуальный закон определяет лишь рамки тактической деятельности следователя и иных субъектов уголовного судопроизводства, нормы нравственности становятся некой «производительной силой»: и как дополнительным средством защиты прав и свобод, и как фактором, призывающим участников уголовного судопроизводства следовать началам общечеловеческой морали. В то же время, именно указанные выше ситуации являются предметом диаметрально противоположных суждений о допустимости либо недопустимости тех или

¹ Гарасва Г.Ф. Религиозное и нравственное обоснование права как способ его интеграции в систему общечеловеческих ценностей // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., сост. 22-24 апреля 2008 г. в Российской академии правосудия / под ред. В.М. Сырых и М.А. Завиной. (2-е изд.). М.: РАП, 2010. С. 124.

² Червонцева К.Б. Нравственные основы судебно-экспертной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 29.

³ Именно эти случаи имеют в виду отдельные авторы, когда говорят о том, что современное юридическое образование должно учитывать принципы историзма, сравнительного правоведения, национальные и этические особенности (Коломашкий В.Г. Актуальные проблемы развития уголовно-процессуального права и криминалистики // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики (посвящается Н.В. Радутной): материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11-12 апреля 2012 г.). С. 382.)

иных способов действия. Происходит это, на наш взгляд, потому, что этической оценке подлежит не просто поведение, а поведение в процессе правоприменительной деятельности, изначально предполагающей возможность применения должностным лицом мер государственно-правового принуждения, а кроме того – тактико-криминалистических приемов.

Если нравственное и законное априори совпадают, то безнравственное не всегда означает незаконное. Такого рода корреспондирование позволяет приблизиться к раскрытию содержания нравственных основ уголовного процесса, нравственных аспектов тактического приема, тактической комбинации и тактической операции. Безнравственным в узком смысле является такое воздействие, в том числе тактическое, которое, не будучи осуждаемым как противозаконное, вместе с тем способно вызвать переживания конкретного лица в рамках его социокультурного существования, поскольку оно нарушает его религиозный, идеологический, патриархальный и этнический статусы. Разумеется, при этом само такое социокультурное существование не должно противоречить закону.

Можно предположить, что попытка наделения морали свойствами, которые присущи только праву, способна привести к подмене законности целесообразностью и в отдельных случаях вызвать её нарушение. Трудно не заметить также и того, что подобная трактовка законности и этичности в деятельности следователя подчас лежит в основе формирования необъективной оценки его труда, приписывания ему «злого умысла», «стремления достичь узкокорпоративного интереса» и т.п. Налицо применение такого запрещенного в дискуссии приема, как «довод к личности»¹. Следует согласиться с тем, что искаженное представление о законности и нравственности оперативно-розыскной деятельности, их соотношении, на основании которого отдельными учеными отрицается необходимость развития теории оперативно-розыскной деятельности, негативно сказывается на совершенствовании практики борьбы с преступностью².

¹ Дуглас Уолтон. Аргументы *ad hominem*. Пер. с англ. Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. пер. В.И. Карасик. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002. С. 131-135.

² Елинский В.И. Методология теории оперативно-розыскной деятельности (по материалам органов внутренних дел): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 6.